

И человек сказал: «Я – русский!»

И Бог заплакал вместе с ним.

Николай Зиновьев

Есть в Таджикистане маленький уютный городок – Чкаловск. Основан он в тысяча девятьсот сорок шестом году, как посёлок при горно-химическом комбинате, достигший своего расцвета во времена Советского Союза. «Маленькой Швейцарией» называли его тогда. Это был русский уголок в Таджикистане. Впрочем, русских в нём почти не осталось.

По весне наш городок утопал в бело-розовой дымке цветущих деревьев. По утрам улицы мылись, такая вокруг красота и чистота! Парк – место отдыха горожан, был ухожен, благоухал ароматом роз. Какое счастье после изнуряющей жары попасть в прохладу парка, поесть свежий шашлычок, полакомиться самым вкусным мороженым – «Лакомка»!

Без малого тридцать лет проработали мы с мужем в Ленинабадском аэропорту, который был частью городка. Александр Васильевич прошёл путь от авиатехника до главного инженера авиационно-технической базы. Я работала на телефонной станции.

Строился новый аэропорт для приёма современных самолётов. Естественно, нужны были не только строители рабочих профессий. (Их хватало среди местного населения.) Нужны инженеры, техники, связисты, лётный состав и множество других специальностей. Чтобы аэропорт заработал, Россия отправляла нужных ему специалистов-профессионалов. Мы несли свою службу с достоинством русского человека.

Аэропорт жил дружной семьёй. В предприятии трудились русские и немцы, таджики и узбеки, татары, казахи, корейцы, множество других национальностей. Все общались на русском языке. Это было удобно всем: ведь после окончания средней школы молодёжь уезжала учиться в Россию для получения средне-специального или высшего образования. Без знания языка это было невозможно. Будущее таджики видели в дружбе с Россией. С российским дипломом приезжали с гордостью. Это были уже местные кадры. Наше старшее поколение передавало опыт молодым.

Идиллия нашей жизни закончилась с распадом Советского Союза и приходом в Россию людей, которые не знали, не могли, да и не думали, как защитить свой народ в развалившихся частях Союза. Первая боль, волна незащищённости русского народа началась с Таджикистана и покатила по всем Прибалтийским республикам, по Кавказу, Украине.

Предыстория: Массовые беспорядки в Баку в январе тысяча девятьсот девяностого года вызвали волну беженцев армянской национальности. Тридцать девять человек бежали в Душанбе к своим родственникам. По городу распространились слухи, что армянам дали квартиры. Одиннадцатого февраля около здания ЦК КП Таджикистана собралось четыре тысячи человек с требованием: «Долой армян!» Это был для нас первый звонок.

Армяне, не желая быть причиной бед таджикского народа, срочно покинули «гостеприимную» столицу.

Чтобы сменить власть, появился другой лозунг: «Долой Махкамова!»

Тринадцатого февраля прекратил работу транспорт. Начались погромы русскоязычного населения, политическое

противостояние сил правительства и оппозиции, переросшее в гражданскую войну. Все мы оказались в её котле.

Ни в Чкаловске, ни в Ленинабаде войны не было, но обстановка была накалена до предела. Как молнии, в ней мелькали события, происходящие на юге страны.

Отток населения разных национальностей раньше происходил тихо и не заметно. Немцы жили, я бы сказала, замкнуто, имели свои дома, говорили на русском языке, учили детей в институтах России. Они организованно выехали в Германию первыми, ещё в конце восьмидесятых годов спокойно продав всё, что у них было. Можно думать, что население было как-то предупреждено о надвигающихся событиях.

Многочисленные диаспоры крымских татар благополучно возвращались на свою историческую Родину – Крым.

В разгар погромов евреев вывезли из Душанбе на своих самолётах в Израиль!

И только русские, боясь остаться без жилья, без работы, долго выжидали: на авось боялись выезжать, неизвестность пугала. Но страх за жизнь своих детей, безумие войны гнало из страны русскоязычное население. Появились беженцы. Лишь бы остаться в живых, уезжали в неизвестность, бросая всё.

Вслед за русскими бежали ... северные таджики, становясь гражданами России. Казалось, что все эти события были спланированы.

Не стало Советского Союза. И опять, как во всей истории России, страдали в основном простые русские люди.

Сколько горя, сколько искалеченных судеб! Оставшиеся люди волновались за судьбу тех, кто уехал. Кто-то не смог устроиться в России и вернулся назад из-за жилья.

– Езжай своя Россия! – пытаясь купить билет без очереди, сказала пожилая таджичка русской женщине. Несмотря на возмущение покупателей, её обслужили. Это увидел мой муж.

Аэропорт потрясла новость: ночью на даче убит бортмеханик Евгений. Он знал и понимал таджикский язык и его диалекты. Всегда доброжелательный, улыбающийся, он очень быстро сходился с людьми. Возможно, он узнал из разговора какую-то тайну и стал открыто возмущаться. Его решили убить, но сначала убили собаку...

Семья сразу покинула страну. Это была татарская семья.

Ко мне в кабинет входят три человека таджикской национальности.

«Это не наши таджики, это – южные», – подумала тревожно.

– Сюда посторонним входить не разрешается! – говорю я.

Мужчины меня не слышат, вальяжно ходят по кабинету, говорят на таджикском языке, пытаются пройти в зал, где установлена аппаратура, но я показываю табличку: «Высокое напряжение! Опасно для жизни!», и преграждаю им путь.

– Хозяйка?! – удивляется один из них, с юмором глядя на меня. (Ага, говорит на русском!)

– Хозяйка! Вы читать умеете? Здесь надпись: «Посторонним вход воспрещён!» Что Вам здесь надо? Пожалуйста, говорите на русском языке, и... покиньте помещение, пожалуйста.

Все трое заговорили оживлённо на таджикском языке, бросая недобрые взгляды в мою сторону. А я была в форме с погонами старшего лейтенанта. Поспорив о чём-то, они вышли, наконец. Эти люди меня запомнили, не дай, бог, с ними встретиться! Мне стало жутко, и я пожалела, что не знаю таджикский язык.

Вечером я рассказала об этом мужу. Он был страшно взволнован.

– Я завтра уезжаю в командировку в Новосибирск. Собирайся, мы уезжаем. У нас здесь нет будущего, – сказал он.

Будучи в командировке, муж был приглашён в Новосибирский аэропорт инженером смены. В октябре девяносто

третьего он покинул Среднюю Азию. Устроившись на работу, вызвал меня.

В слезах уезжала от дочери, на руках которой осталось двое маленьких детей. Я знала, что не пройдёт месяца, как я вернусь за ними.

О, счастье, я еду с друзьями: Анвар и Валентина ехали в Новосибирск.

Ташкент. Звучит узбекская речь. Только сейчас мы поняли, что находимся в чужой стране. Святая наивность! (А ведь совсем недавно мы чувствовали себя, как дома!) Взгляды недобрые, русский язык перестали понимать. На перрон не пускают, в вокзал – тоже. Билетов нет ни на один поезд. Стало страшно от мысли, что можем на ночь остаться на улице.

Только бы в Россию, в любой город! Подходят поезда. Люди рвутся на перрон. Сдержать их невозможно. Многие плачут...

На перроне милиция досматривает чемоданы и мешки пассажиров. Господи, да что они ищут? Молодая девушка в слезах бросает на руки милиционера какие-то вещи и бежит к составу. Кажется, её взяли в поезд. Я радуюсь за неё.

Прорвались и мы! Я бегу к вагону. Поезд тринадцатый, вагон тринадцать. Я посчитала, что это добрый знак.

– Девушка, милая, не бросайте нас, пожалуйста! В гостиницу не пускают, в вокзал тоже, билеты нам не продают. Пропадём мы здесь. Мы – беженцы. (Какое ужасное слово!)

– А у вас деньги есть?

– Есть, есть!

– Сколько вас?

– Трое.

– Садитесь!

– Ура, взяли!!! Мы впорхнули в полупустой вагон, ошалевшие от радости, такие счастливые. (Денег было только на билеты). Как были мы благодарны русским проводникам

– парню и девушке, принявшим нас! Благодарность на всю жизнь! Я ехала к любимому, а сердце болело за дочь и внуков, временно оставленных в стране, вдруг ставшей чужой.

(Через месяц я съездила в Ленинабад и привезла дочь с детьми на их историческую Родину в Россию!)

В поезде молодой человек таджикской национальности подносил мне чай, всё понимая, ни о чём не спрашивая. А может просто из уважения к старшим. Я долго жила в Таджикистане и знаю обычаи. Народ-то хороший. В крови у них уважение к старшему поколению. Так было. Горько, что в России они, порой, забывают свои прекрасные обычаи.

...Новосибирск. Из окна вагона я увидела мужа и почти не узнала, так он похудел. Обнявшись, плакали. Молодой парень вынес из вагона мои вещи и, попрощавшись, ушёл. Низкий ему поклон за помощь! Я даже не узнала его имя.

Родина принимала своих детей.

– Почему в моём паспорте нет графы: национальность?– спросила я, рассматривая свой новый паспорт.

– Чего вам ещё надо? Вы получили российское гражданство, – был ответ.

– Я – русская! И хочу, чтобы это было отмечено в паспорте, – сказала я.

– Вы – гражданин России!

– То – гражданство. А я о графе – национальность.

– Вопрос не ко мне. Разговор был окончен.

«Высшая и самая характерная черта нашего народа – это чувство справедливости и жажда её», – писал Фёдор Достоевский – великий русский писатель. В подавленном настроении я возвращалась домой. Тогда я ещё не знала, что готовит мне судьба.

... В 1999 году моего Александра Васильевича не стало. Он не дожил до шестидесяти лет. Все пережитые стрессы

сказались на его сердце. Попробуйте сосчитать, сколько жизней унесла гражданская война в Таджикистане. Добавьте жизнь моего мужа...

Недавно в интернете я прочла: *«Русские – это не национальность. Русские – это состояние души»*. Нет, господа, есть такая национальность – русский. И я горжусь, что отношусь к ней!

Я часто думаю, почему мы так долго оставались работать в республике? Почему раньше не уехали на Родину, ведь приглашали и не раз?

Да потому, что мы жили в Советском Союзе!!! Мы жили в родной республике, так нам казалось, ведь для русских – все народы – братья, так мы воспитаны. Русские несли культуру своего народа, уважая обычаи и культуру таджикского. И так в каждой республике.

Кому-то это страшно не нравилось.

...Есть у российского писателя чеченской национальности Германа Садулаева мощная публикация по национальному вопросу. Заканчивается она так: *«Молитесь за русских. Потому что русские – это жизнь»*.

Из полумиллиона русских, проживавших в Таджикистане, в настоящее время осталось шестьдесят тысяч человек.

Из моего дома две семьи уехали в Германию, в Америке живут друзья моей дочери, несколько семей живут в Крыму, три семьи оказались в Новосибирске. В Москве, Санкт-Петербурге, по всему миру рассеялись чкаловцы. Мне бы очень хотелось отследить судьбу каждой семьи. С некоторыми я возобновила контакты по интернету. Это такая радость!